

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.105-112

Н. Ю. Скрипченко*

Усиление уголовной репрессии за криминальные посягательства на несовершеннолетних: очередной шаг в реализации стратегии или иррациональная нормативная активность?

Аннотация. Статья содержит комплексный анализ изменений, внесенных в УК РФ Федеральными законами от 28.01.2022 № 3-ФЗ и от 06.03.2022 № 38-ФЗ. Отмечая очередной виток усиления уголовной репрессии за педофильные посягательства, автор обращает внимание на законодательный перекосяк в оценке общественной опасности деяний, так как изнасилование или насильственные действия сексуального характера, совершенные в отношении двух и более несовершеннолетних, наказываются строже, чем убийство указанных потерпевших. Выявив технико-юридические изъяны в содержании ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ, автор обозначает вопросы, которые могут возникнуть при квалификации насильственных половых преступлений, совершенных в отношении двух или более несовершеннолетних; сопряженных с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности; при специальном рецидиве. Критически оценивая содержание ч. 3 ст. 133 УК РФ, автор поднимает вопрос обоснованности усиления уголовной ответственности за групповое понуждение к действиям сексуального характера только в отношении несовершеннолетних (п. «а»); отнесения «использования средств массовой информации» к числу признаков, повышающих общественную опасность харассмента. Особое внимание автор уделяет одному из явных дефектов норм гл. 18 УК РФ, попирающих принципы равноправия и справедливости, а именно нормативному размежеванию по степени общественной опасности полового сношения и мужеложства или лесбиянства с лицом, не достигшим 16 лет, что не соответствует принципу равенства по гендерному признаку. Проведенный правовой анализ свидетельствует не о последовательной нормативной реализации стратегического курса, а о спонтанности решений, направленных на решение частных задач.

Ключевые слова: преступления против половой неприкосновенности; несовершеннолетний; специальный рецидив; совокупность преступлений; насилие; дифференциация уголовной ответственности; криминологическая обоснованность; юридическая техника.

Для цитирования: Скрипченко Н. Ю. Усиление уголовной репрессии за криминальные посягательства на несовершеннолетних: очередной шаг в реализации стратегии или иррациональная нормативная активность? // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 10. — С. 105–112. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.105-112.

Strengthening Criminal Repression for Criminal Assaults on Minors: Is It One More Step in Implementation of the Strategy or Irrational Regulatory Activity?

Nina Yu. Skripchenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University
nab. Severnoy Dviny, d. 17, Arkhangelsk, Russia, 163002
n.skripchenko@narfu.ru

Abstract. The paper contains a comprehensive analysis of the amendments made to the Criminal Code of the Russian Federation by Federal Laws No. 3-FZ dated January 28, 2022 and No. 38-FZ dated March 06, 2022. Noting

© Скрипченко Н. Ю., 2022

* Скрипченко Нина Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова
наб. Северной Двины, д. 17, г. Архангельск, Россия, 163002
n.skripchenko@narfu.ru

the next round of strengthening criminal repression for pedophile assaults, the author draws attention to the legislative bias in assessing the public danger of acts, since rape or violent sexual acts committed against two or more minors are punished more severely than the murder of these victims. Having identified technical and legal flaws in the content of Part 5 of Articles 131 and 132 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author identifies issues that may arise when qualifying violent sexual crimes committed against two or more minors; involving the commission of another grave or especially grave crime against the person; with a special relapse. Critically assessing the content of Part 3 of Article 133 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author raises the question of the validity of strengthening criminal liability for group coercion to sexual acts only against minors (paragraph «а»); attribution of «use of mass media» to the number of signs that increase the public danger of harassment. The author pays special attention to one of the obvious defects of the norms of Chapter 18 of the Criminal Code of the Russian Federation, which violate the principles of equality and justice, namely, the normative separation according to the degree of public danger of sexual intercourse and sodomy or lesbianism with a person under the age of 16, which does not correspond to the principle of gender equality. The conducted legal analysis testifies not to the consistent normative implementation of the strategic course, but to the spontaneity of decisions aimed at solving particular problems.

Keywords: crimes against sexual integrity; minor; particular recidivism; set of crimes; violence; differentiation of criminal responsibility; criminological validity; legal technique.

Cite as: Skripchenko NYu. Usilenie ugolovnoy repressii za kriminalnye posyagatelstva na nesovershennoletnikh: ocherednoy shag v realizatsii strategii ili irratsionalnaya normativnaya aktivnost? [Strengthening Criminal Repression for Criminal Assaults on Minors: Is It One More Step in Implementation of the Strategy or Irrational Regulatory Activity?]. *Lex russica*. 2022;75(10):105-112. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.105-112. (In Russ., abstract in Eng.).

Повышенное внимание государства к вопросам охраны прав и интересов несовершеннолетних обусловлено множеством факторов политического, идеологического, экономического и социального характера. Уголовная репрессия занимает особое место среди средств, используемых публичной властью в охранительном механизме. В последние годы законодатель все активнее стал прибегать к уголовно-правовым резервам, расширяя перечень антиювенальных преступлений, дифференцируя ответственность с учетом возраста потерпевшего, ужесточая санкции за действия, посягающие на права и законные интересы несовершеннолетнего. Федеральными законами от 28.01.2022 № 3-ФЗ¹ и от 06.03.2022 № 38-ФЗ² нормы, охраняющие половую неприкосновенность и нравственное развитие детей, вновь подверглись изменениям, выдержанным в русле усиления уголовной репрессии. Первый из указанных законов расширил содержание ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ, отнес к числу самых опасных (исходя из санкции) деяния в форме изнасилования и насильственных действий сексуального характера:

- совершенные лицом, имеющим судимость за преступления против половой неприкосновенности³ (п. «а»);
- совершенные в отношении двух или более несовершеннолетних (п. «б»);
- сопряженные с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности, за исключением случаев, предусмотренных п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (п. «в»).
Второй закон дополнил ст. 133 УК РФ частью 3, устанавливающей более строгое наказание за понуждение несовершеннолетнего к действиям сексуального характера, совершенное:
 - группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «а»);
 - с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (п. «б»);
 - лицом, имеющим судимость за преступления против половой неприкосновенности (п. «в»).В пункте «б» ч. 3 ст. 242 и п. «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ присоединительный союз «в том числе»

¹ Федеральный закон от 28.01.2022 № 3-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 5. Ст. 677.

² Федеральный закон от 06.03.2022 № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1395.

был заменен на разделительный «либо», что расширило содержание соответствующего квалифицирующего признака, обеспечив более строгое наказание лиц, использующих информационно-телекоммуникационные сети, в том числе Интернет, в процессе распространения среди несовершеннолетних порнографических материалов или предметов, а также осуществляющих оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

Новый закон криминализировал в ч. 1 ст. 316 УК РФ заранее не обещанное укрывательство тяжких преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, отнеся укрывательство особо тяжких преступлений к деяниям, охватываемым частью 2 указанной нормы.

Редактированию подверглись и нормы Общей части УК РФ. Расширив содержание п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ, законодатель устранил пробел, препятствующий судам учитывать в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, совершение преступления в отношении несовершеннолетнего лицом, осуществляющим трудовую деятельность (в том числе на основании гражданско-правового договора, например няни) во всех сферах коммуникации с детьми, а также лицом, совместно проживающим с несовершеннолетним.

Наличие социальных оснований для реформирования закона в означенном направлении не вызывает сомнений, содержательный же анализ новых норм актуализирует вопросы криминологической обоснованности и выдержанности в рамках требований юридической техники.

Отличающаяся лаконичностью (объем не более страницы) пояснительная записка⁴, сопровождающая проект закона, расширяющего содержание ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ, не только не содержит данных, подтверждающих необходимость и целесообразность усиления уголовной репрессии, но и обходит молчанием выбор при-

знаков, предлагаемых к закреплению в числе особо квалифицирующих. Ожидаемый же инициатором реформ позитивный результат регулирующего воздействия новых норм — «более эффективно применять в качестве наказания пожизненное лишение свободы» — не только демонстрирует отсутствие стратегии совершенствования законодательства, но и свидетельствует о поспешном, не отражающем реальную проработку последствий принятия закона. Данный тезис подтверждает и финансово-экономическое обоснование законопроекта, принятие которого, судя по пояснительной записке, не требует дополнительных бюджетных и внебюджетных ассигнований, что не соответствует действительности, так как увеличение сроков изоляции осужденных всегда влечет рост государственных расходов, а также незначительный временной диапазон (чуть более месяца) между принятием двух сходных по сфере регулирования федеральных законов.

Ужесточение наказаний за преступления против половой неприкосновенности — один из трендов современной уголовной политики, о чем наглядно свидетельствуют поправки, внесенные в УК РФ Федеральными законами от 27.06.2009 № 215-ФЗ⁵ и от 29.02.2012 № 14-ФЗ⁶. Накопленный же опыт показывает, что увеличение карательных издержек сопровождается сокращением социально-экономических мер предупреждения преступности, которые не восполнить ужесточением санкций, что грозит обратным эффектом. Неслучайно тезис о низкой эффективности усиления уголовной ответственности в деле борьбы с преступностью носит догматический характер.

Следует обратить особое внимание на то, что «расширение потенциала действующих санкций»⁷ увеличило перекося в оценке тяжести насильственных преступлений, так как совершение изнасилования или насильственных действий сексуального характера в отношении двух

³ До изменений ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ охватывала только сексуальные посягательства, совершенные лицом, имеющим судимость за преступления против половой неприкосновенности в отношении несовершеннолетних, в новой редакции данный признак распространен и на потерпевших, не достигших 18 лет.

⁴ См.: паспорт проекта федерального закона № 1248305-7 «О внесении изменений в статьи 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон от 27.07.2009 № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ» // СЗ РФ. 2009. № 31. Ст. 3921.

⁶ Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // СЗ РФ. 2012. № 10. Ст. 1162.

⁷ См.: паспорт проекта федерального закона № 1248305-7.

и более несовершеннолетних (п. «б» ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ) влечет более строгое наказание (от 15 до 20 лет лишения свободы), чем убийство (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) указанных потерпевших (от 8 до 20 лет лишения свободы). Вряд ли можно привести криминологически значимые аргументы, оправдывающие переоценку приоритетов в системе объектов уголовно-правовой охраны.

Выявленный дисбаланс усугубляет охват ст. 132 УК РФ развратных действий, совершенных в отношении малолетних, не достигших 12 лет. Учитывая, что педофилы преимущественно совершают криминальные деяния посредством информационно-телекоммуникационных сетей, что создает условия для посягательства на двух и более несовершеннолетних, можно прогнозировать практическую востребованность п. «б» ч. 5 ст. 132 УК РФ, при этом под самые строгие санкции подпадут лица, фактически совершающие бесконтактные действия сексуального характера. Бесспорно, сексуальные посягательства на детей требуют самых строгих мер государственного порицания, но наказуемость развратных действий строже убийства не только актуализирует вопрос о реализации принципа справедливости, но и нарушает систему оценки деяний с учетом характера и степени общественной опасности, на которой базируется уголовный закон⁸.

Следует отметить, что уже нарабатанная с 2012 г. практика осуждения развратников по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ демонстрирует существенные различия в оценке общественной опасности деяний, охватываемых указанной

нормой законодателем и правоприменителем. Вынося обвинительные приговоры по ч. 4 ст. 132 УК РФ, суды не только не выходят за медиану санкции указанной нормы, назначая более чем половине осужденных (около 66 %) наказание в пределах минимальной границы (12 лет), а каждому третьему — ниже низшего предела, но и усматривают основания для назначения уголовного наказания более мягкого вида (около 1,5 %)⁹.

Прогнозируемая перспективная востребованность п. «б» ч. 5 ст. 132 УК РФ за счет сокращения п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ стимулирует применение судами норм, устанавливающих специальные правила об обязательном смягчении наказания, тая угрозы реализации не в целях стимулирования позитивного посткриминального поведения и поощрения виновного, а в целях компенсации избыточной репрессивности уголовного закона.

В пункте «в» ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ нашел отражение один из самых спорных в доктрине уголовного права квалифицирующих признаков — признак, отражающий сопряженность криминального деяния с другим. По делам об убийствах сложилась практика, допускающая одновременное вменение соответствующего пункта ч. 2 ст. 105 УК РФ и сопряженного преступления, но она вызывает критические замечания ученых как противоречащая ч. 1 ст. 17 УК РФ, исключающей совокупность преступлений в случаях совершения двух и более преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание¹⁰.

⁸ Подробнее см.: Скрипченко Н. Ю. Новое в уголовно-правовой охране несовершеннолетних // Журнал прикладных исследований. 2022. № 4. Т. 2. С. 183–187.

⁹ Анализ форм № 10.3.1 «Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов (приложение к отчету формы № 10.3)» за 2017–2021 гг., размещенных на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, свидетельствует, что из 1 386 осужденных по ч. 4 ст. 132 УК РФ в 2021 г. 30,5 % приговорены к лишению свободы на срок до 10 лет (из них 55,4 % — на срок от 5 до 8 лет, 36,5 % — от 2 месяцев до 5 лет), 66,9 % осуждены на срок от 10 до 15 лет. Сходные данные отмечаются и годами ранее: в 2020 г. из 1 038 осужденных 33,2 % приговорены к лишению свободы на срок до 10 лет (52,4 % — от 5 до 8 лет, 38,5 % — от 2 месяцев до 5 лет), 65,0 % — от 10 до 15 лет; в 2019 г. из 1 251 осужденных 32 % приговорены к лишению свободы на срок до 10 лет (53,8 % — от 5 до 8 лет, 37,9 % — от 2 месяцев до 5 лет), 65,7 % — от 10 до 15 лет; в 2018 г. из 1 180 осужденных 29,9 % приговорены к лишению свободы на срок до 10 лет (50,1 % — от 5 до 8 лет, 39,3 % — от 2 месяцев до 5 лет), 66,9 % — от 10 до 15 лет; в 2017 г. из 1 172 осужденных 30,8 % приговорены к лишению свободы на срок до 10 лет (50,4 % — от 5 до 8 лет, 39,0 % — от 2 месяцев до 5 лет), 66,9 % — от 10 до 15 лет. Кроме того, ежегодно около 20 обвиняемых по ч. 4 ст. 132 УК РФ осуждается условно или к наказаниям, не связанным с лишением свободы. См.: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362> (дата обращения: 10.07.2022).

¹⁰ См., например: Есаков Г. А. Квалификация убийства, сопряженного с иными преступлениями, или *Cuiusvis hominis est errare* (и законодатель не исключение) // Российский судья. 2004. № 12. С. 20–26 ;

Системность реализации уголовно-правовых норм определяет формирование практики в заданном направлении и по уголовным делам о преступлениях рассматриваемой категории, актуализируя вопросы выдержанности новых норм в рамках принципов законности и справедливости.

Следует отметить, что, в отличие от состава убийства, конкретизирующего сопряженные криминальные посягательства, новые нормы не перечисляют сопровождающие изнасилование или насильственные действия сексуального характера преступления. Ориентируя правоприменителя на характер сопряженного посягательства (против личности, за исключением п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и его категорию (тяжкое или особо тяжкое), законодатель ставит перед органами уголовной юстиции вопросы, связанные не только с определением содержания противоправных посягательств, но и с установлением механизма их сопряженности с насильственными половыми преступлениями. Отличное от п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ нормативное наполнение п. «в» ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ, очевидно, исключает механическое дублирование подходов, выработанных судебной практикой при квалификации убийства, ориентирующих на наличие сопряженности в случаях лишения жизни потерпевшего: 1) в процессе совершения сопряженного преступления; 2) с целью его скрыть; 3) по мотивам мести за оказанное сопротивление (абз. 3 п. 13¹¹). Вместе с тем отягчающая связь криминальных действий с сексуальными посягательствами на детей обусловлена сопутствующим, взаимосвязанным характером посягательства, при этом ряд преступлений против личности уже заложен в конструкцию составов, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ. Принимая во внимание возрастные характеристики потерпевшего, охватываемого ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ, способы совершения указанных преступлений и общественно опасные последствия, которые заложены в конструкцию данных составов, а также законодательные ограничения в части объекта

посягательства и категорий, к сопряженным преступлениям можно отнести умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1–4 ст. 111 УК РФ), квалифицированные и особо квалифицированные виды похищения человека (ч. 2–3 ст. 126 УК РФ). Первый состав не охватывается насильственными половыми преступлениями и требует самостоятельной правовой оценки, при этом виновный может прибегать к такому насилию и в целях подавления сопротивления потерпевшей (потерпевшего), и из мести за оказанное сопротивление. Сексуальное насилие над похищенной жертвой также образует самостоятельный состав и укладывается в выработанные критерии сопряженности.

Очевидно, что к числу сопряженных могут быть отнесены и преступления против половой неприкосновенности, например совершение в любой последовательности изнасилования и насильственных действий сексуального характера в отношении одного и того же потерпевшего или совершение развратных действий, переросших в насильственные сексуальные посягательства. Однако значительный временной разрыв между соответствующими криминальными посягательствами может исключать их сопутствующий, взаимосвязанный характер, равно как и вменение рассматриваемого особо квалифицирующего признака. Вместе с тем по делам об убийствах временной разрыв между лишением жизни и сопряженным преступлением не исключает вменения соответствующего квалифицирующего признака, актуализируя вопрос о соответствующей правовой оценке в рамках п. «в» ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ.

Следует также обратить внимание на то, что на основании п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»¹² самоубийство или попытка самоубийства потерпевшего отнесены к числу «иных тяжких последствий», альтернативно закрепленных в п. «б» ч. 3 ст. 131 и 132 УК РФ, однако соответствующей частью указанных норм не охва-

Губин Е. А. Сопряженность убийства и действий сексуального характера // Уголовное право. 2018. № 6. С. 32–36 ; Сидорова Е. З., Иванова А. Л. О некоторых проблемах множественности преступлений в российском уголовном праве // Российский юридический журнал. 2021. № 2. С. 115–125.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 2.

тываются посягательства на потерпевших, не достигших 14 лет. Следовательно, доведение малолетнего до самоубийства путем жестокого обращения в форме изнасилования или насильственных действий сексуального характера (ч. 2 ст. 110 УК РФ) может быть отнесено к числу сопряженных преступлений в рамках п. «в» ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ. Однако ссылаясь на диспозицию ч. 5 ст. 131 и 132 УК РФ, ориентирующую на особо квалифицирующие признаки, учитывающие возраст потерпевшего, ставит вопрос об актуальности приведенных выше разъяснений.

Отнесение судимости к числу квалифицирующих признаков состава преступления не только вызывает критические замечания представителей правовой науки, оценивающих соответствующее решение законодателя как реверсию теории опасной личности¹³, но и уже оспаривалось на предмет соответствия Основному закону, так как учет судимости в конструкции состава заменяет и дублирует рецидив, что влечет неоправданное ужесточение наказания, значительное усиление репрессивной направленности УК РФ, нарушая принципы справедливого и соразмерного наказания¹⁴.

В пояснительной записке к законопроекту, расширяющему уголовно-правовое значение специального рецидива в рамках ст. 131 и 132 УК РФ, отсутствует обоснование потребности реформ, а закрепление указанного признака в новой ч. 3 ст. 133 УК РФ обосновывается данными, отражающими незначительный удельный вес (1–3 % от общего числа осужденных за насильственные преступления сексуального характера в отношении детей) лиц, осужденных за сексуальное насилие в отношении детей и имеющих судимость за ранее совершенные преступления

против половой неприкосновенности, что, по мнению инициатора реформ, «свидетельствует об эффективности противодействия рецидивной преступности в этой сфере и результативности применения мер административного надзора»¹⁵. Вряд ли данную информацию следует признать достаточной для подобных выводов, так как о действенности реформ можно судить на основе сравнительного анализа данных, отражающих ситуацию до и после их реализации (при этом нужно учитывать и отложенное действие запрета обратной силы действия репрессивного уголовного закона). Дополнительно стоит отметить непоследовательность законодательного решения о расширении уголовно-правового значения специального рецидива, так как изменениям подверглись только ст. 131, 132 и 133 УК РФ. В аналогичных по содержанию особо квалифицированных составах ч. 6 ст. 134 и ч. 6 ст. 136 УК РФ специальный рецидив остался привязан к возрасту потерпевшего: от 12 до 14 лет.

Определяя в ч. 3 ст. 133 УК РФ обстоятельства, влекущие более строгое наказание за понуждение к действиям сексуального характера, законодатель, на наш взгляд, отступил от правил юридической техники. В частности, отнеся групповой способ совершения преступления к числу квалифицирующих признаков (п. «а»), законодатель распространил его только на посягательства, совершенные в отношении несовершеннолетних, актуализируя вопрос о причинах игнорирования дифференциации уголовной ответственности за групповой харассмент лиц, достигших восемнадцати лет (в насильственных половых преступлениях соответствующий квалифицирующий признак не зависит от возраста жертвы).

¹³ См., например: Мартыненко Э. В. Возвращение в Уголовный кодекс Российской Федерации судимости в качестве квалифицирующего признака преступления — новое или хорошо забытое старое? // Российский следователь. 2022. № 3. С. 46–49; Иванов Н. Г. Уголовная политика России и совершенствование уголовного законодательства // Уголовное право. 2017. № 4. С. 47–49; Иванов Н. Г. Криминализация опасного состояния личности в современном УК РФ // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 17–20.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26.05.2000 “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: паспорт проекта федерального закона № 388776-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних) // СПС «КонсультантПлюс».

В пункте «б» ч. 3 ст. 133 УК РФ нашел отражение признак, не типичный¹⁶ для деяний, охватываемых указанной нормой, — «с использованием средств массовой информации». Понуждение к действиям сексуального характера с использованием медиаресурсов предполагает оказание виновным психологического воздействия на потерпевшего с целью заставить вопреки желанию вступить в сексуальные контакты посредством размещения в средствах массовой информации, включая периодические печатные и сетевые издания, теле- и радиоканалы, теле-, радио-, видео- и кинохроникальные программы, а также иные формы периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)¹⁷, угроз распространить сведения, компрометирующие жертву, или причинить имущественный ущерб, что исключено на практике, так как преступники во избежание ответственности не придают огласке криминальные намерения. Активное использование виновными трансляционного потенциала информационно-телекоммуникационных сетей для оказания психологического давления на жертву исключает такое требование, предъявляемое к содержанию квалифицирующего признака, как нехарактерность для деяний, зафиксированных в основном составе¹⁸. Кроме того, использование коммуникационных резервов соответствующих технологий не влечет существенного повышения уровня общественной опасности понуждения к действиям сексуального характера, учитывая адресный характер криминальных действий (даже в случаях посягательства на несовершеннолетнего). Будучи реальными и действительными, угрозы, переданные посредством конклюдентных действий, устных высказываний, столь же социально вредны, как и доведенные до потерпевшего путем телефонного сообщения или размещения на интернет-ресурсах.

Изложенное актуализирует вопрос обоснованности отнесения анализируемого способа совершения преступления к числу квалифицирующих признаков.

Совершенствуя уголовно-правовой механизм борьбы с преступлениями сексуального

характера в отношении несовершеннолетних, законодатель не устранил один из явных дефектов норм гл. 18 УК РФ, попирающих принципы равноправия и справедливости. Так, нормативное размежевание по степени общественной опасности полового сношения (ч. 1 ст. 134 УК РФ) и мужеложства или лесбиянства (ч. 2 ст. 134 УК РФ) с лицом, не достигшим 16 лет, идет вразрез с принципом равенства по гендерному признаку, так как посягательство (половое сношение) совершеннолетнего лица на половую неприкосновенность девушки, не достигшей 16 лет, наказуемо до 4 лет лишения свободы (ч. 1 ст. 134 УК РФ), а на половую неприкосновенность юноши (мужеложство) (ч. 2 ст. 134 УК РФ) — до 6 лет.

Кроме того, буквальное толкование ч. 1 и 2 ст. 134 УК РФ свидетельствует и о ненаказуемости широкого перечня добровольных действий сексуального характера, поскольку объектную сторону составов, охватываемых указанными нормами, образуют только половое сношение, мужеложство и лесбиянство. Не указав в диспозиции ст. 134 УК РФ иные действия сексуального характера (хотя в названии нормы данный термин используется), законодатель исключил уголовное преследование широкого перечня добровольных сексуальных контактов (оральный секс, введение предметов в полости человека с целью получения сексуального удовлетворения и т.д.) взрослого партнера с лицом младше 16 лет, актуализируя вопрос обоснованности избирательного подхода к вопросу охраны половой неприкосновенности и нравственного развития несовершеннолетних.

Изложенное позволяет заключить, что российский законодатель, определяя приоритеты уголовного-правовой охраны, далеко не всегда избирает адекватные средства. Нормотворческая активность, ориентированная на противодействие антиювенальным преступлениям, свидетельствует скорее не о последовательной реализации стратегического курса, а о спонтанности решений, направленных на решение частных задач.

¹⁶ В доктрине уголовного права типичность (свойственность, распространенность, характерность и т.п.) увязывается с фактической или вероятностной распространенностью на практике для отражаемого в квалифицированном составе вида преступления.

¹⁷ Абз. 2 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Подробнее см.: Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация уголовной ответственности в уголовном праве. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. С. 188.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Губин Е. А. Сопряженность убийства и действий сексуального характера // Уголовное право. — 2018. — № 6. — С. 32–36.
2. Есаков Г. А. Квалификация убийства, сопряженного с иными преступлениями, или Cuiusvis hominis est errare (и законодатель не исключение) // Российский судья. — 2004. — № 12. — С. 20–26.
3. Иванов Н. Г. Уголовная политика России и совершенствование уголовного законодательства // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 47–49.
4. Иванов Н. Г. Криминализация опасного состояния личности в современном УК РФ // Российская юстиция. — 2017. — № 1. — С. 17–20.
5. Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация уголовной ответственности в уголовном праве. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. — 300 с.
6. Мартыненко Э. В. Возвращение в Уголовный кодекс Российской Федерации судимости в качестве квалифицирующего признака преступления — новое или хорошо забытое старое? // Российский следователь. — 2022. — № 3. — С. 46–49.
7. Сидорова Е. З., Иванова А. Л. О некоторых проблемах множественности преступлений в российском уголовном праве // Российский юридический журнал. — 2021. — № 2. — С. 115–125.
8. Скрипченко Н. Ю. Новое в уголовно-правовой охране несовершеннолетних // Журнал прикладных исследований. — 2022. — Т. 2. — № 4. — С. 183–187.

Материал поступил в редакцию 2 августа 2022 г.

REFERENCES

1. Gubin EA. Sopryazhennost ubiystva i deystviy seksualnogo kharaktera [The conjugacy of murder and sexual acts]. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2018;6:32-36. (In Russ.).
2. Esakov GA. Kvalifikatsiya ubiystva, sopryazhennogo s inymi prestupleniyami, ili Cuiusvis hominis est errare (i zakonodatel ne iskl'yuchenie) [Classification of murder associated with other crimes, or Cuiusvis hominis est errare (and the legislator is no exception)]. *Rossiyskiy sudya [Russian Judge]*. 2004;12:20-26. (In Russ.).
3. Ivanov NG. Ugolovnaya politika Rossii i sovershenstvovanie ugovnogo zakonodatelstva [Criminal policy of Russia and improvement of criminal legislation]. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2017;4:47-49. (In Russ.).
4. Ivanov NG. Kriminalizatsiya opasnogo sostoyaniya lichnosti v sovremennom UK RF [Criminalization of a dangerous state of personality in the modern Criminal Code of the Russian Federation]. *Rossiyskaya yustitsiya [Russian Justitia]*. 2017;1:17-20. (In Russ.).
5. Kruglikov LL, Vasilevskiy AV. Differentsiatsiya ugovnoy otvetstvennosti v ugovnom prave [Differentiation of criminal liability in criminal law]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Press Publ.; 2002. (In Russ.).
6. Martynenko EV. Vozvrashchenie v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii sudimosti v kachestve kvalifitsiruyushchego priznaka prestupleniya — novoe ili khorosho zabytoe staroe? [The return of a criminal record to the Criminal Code of the Russian Federation as a classifying element a crime: Is it new or well-forgotten old?]. *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2022;3:46-49. (In Russ.).
7. Sidorova EZ, Ivanova AL. O nekotorykh problemakh mnozhestvennosti prestupleniy v rossiyskom ugovnom prave [On some problems of the multiplicity of crimes in Russian criminal law]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Juridical Journal]*. 2021;2:115-125. (In Russ.).
8. Skripchenko NYu. Novoe v ugovno-pravovoy okhrane nesovershennoletnikh [New in the criminal legal protection of minors]. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy [Journal of Applied Research]*. 2022;4(2):183-187. (In Russ.).